

Вместо предисловия

В книгу вошли два рассказа, объединенные темой Великой Отечественной войны. Рассказ «Тишка», давший название книге, повествует о подвиге двенадцатилетнего мальчишки из деревни Байки, что в Брестской области, ныне – Республика Беларусь. Основой рассказа стали реальные события января 1944 года. Мне не пришлось ничего придумывать, поскольку подвиг Тишки Барана, в книге – Тишки Баранова, подробно описан в публицистической литературе, а в Белоруссии на эту тему даже снят художественный фильм «Хельден».

Подвиг Тишки перекликается с другим общеизвестным подвигом крестьянина из XVII века, когда Русь переживала смутные времена польской интервенции. Имя этого мужественного человека, в отличие от имени Тишки Барана, знает каждый. Это Иван Сусанин. Несправедливо, когда славу одного героя история сохранила на века, а героический поступок второго – малоизвестен. Я надеюсь, что с этой книжкой имя подростка из Брестской области выйдет из тени своего более знаменитого предшественника и займёт заслуженное место в ряду других героев Великой войны.

Рассказ «Вовка и корова Люшка» – почти дословно записанная история со слов жителя посёлка Прохоровка Белгородской области Владимира Григорьевича Левшина.

На суд читателя выносится непритязательный рассказ о мальчишке пяти лет и корове Люшке, насыщенный бесценными деталями, наблюдениями и бытовыми подробностями военных лет, сбережёнными крепкой памятью ветерана.

Автор

дней назад, только узнав о войне, помчался в Брест – сражаться с немцами. Собирался на днях поступать в художественное училище, он хорошо рисовал, а отправился на войну. Чемодан с рисунками так и остался стоять у порога, словно осиротевший без хозяина.

Родители не отговаривали сына. Оба понимали, кому-то надо с немцами сражаться, так почему не Василию? Если каждый родитель своего ребенка дома удержит, кто же с оружием врага встречать будет?

Уже проводив сына, мама Дарья Ивановна повыла негромко в платок, и всё на этом. Некогда горевать. Остальные четверо детей под боком, о них надо заботиться. Оставшийся старшим брат Павел, четырнадцати лет, тонкий и вытянутый, ростом с отца Максима Ивановича, с утра пропадал с ребятами на выгоне. Там дорога просматривалась вёрст на пять, и немцев можно было заметить издали.

Деревня в тот день затаилась. И только домашние животные, словно перед разрушительным ураганом, вели себя спокойно. Отец не отпустил тогда корову Дуньку на луг, и она часто вздыхала и плохо ела. Будто предчувствовала что-то.

Никто не знал, к чему готовиться. Как поведет себя немец, что станет с привычной жизнью и останется ли она вообще – привычная жизнь? Из-за близости границы и стремительного продвижения немцев в округе не успели объявить мобилизацию, и почти все мужики оставались по домам. Правда, байковчане передавали друг другу новость о строящейся где-то в болотистом ельнике партизанской базе. И вроде уже приходил в деревню Самуйлик – командир, агитируя народ в отряд. Человек пять ушли сразу, остальные обещали, кто подумать, а кто, закончив дела, присоединиться на днях. Но как-то оно повернется в действительности, никто предсказывать не брался.

Из отряда, обустроившего землянки в дальнем урочище огромного бора, там, где тёмный ельник с одной стороны и

широкое многокилометровое болото с другой перекрывали подходы к лагерю, Тишка вышел с утра. Быстро добрался на лыжах до края леса. Даже санки для сестрёнок, прицепленные на спине за поясок пальто, сильно не задерживали. Зная дорогу назубок, он давно наловчился проходить через лес по самому короткому и чистому от наваленных деревьев пути.

Мороз стоял нешуточный, но мальчишка надеялся проскочить до деревни по-быстрому.

Зарыв лыжи и санки под приметным деревом, долго – часа два – просидел на опушке леса, дожидаясь удобного момента для выхода на дорогу. А он всё не наступал. То тарахтели натруженными движками колонны немецкой техники по накапанному до льдистой корки снегу, то фашисты гнали узенькую колонну наших пленных. Недавно куда-то проехали на санях полицаи из города. На всякий случай парнишка считал и лёгкие шустрые грузовики опель-блиц, и более тяжёлые мерседесы, с закрытыми и открытыми кузовами. В них возили как людей, так и всякое железо, продукты. Запоминал и заиндевевшие лёгкие броневики магирусы, и восьмиколёсные высоченные бюссинги. И легковые штабные «хорьки». Такой прошёл всего один, но ему особое внимание. На легковых в сопровождении бронетранспортёров передвигались офицеры и порученцы с важными бумагами. Отец повторял: разведчик должен разбираться во всей немецкой технике. Иногда даже марка машины может сказать опытному наблюдателю много чего полезного.

Сосчитав и запомнив машины, мальчишка наконец выбрался на дорогу. До деревни оставалось километров десять, и Тишка рассчитывал осилить их к сумеркам.

Большая семья Барановых ужинала, когда за окном крепкого сруба, раздались крики на незнакомом языке. Тут же треснули гулкие выстрелы, зазвенело где-то разбитое стекло, и улицу пронзил визг подстреленной собаки. Мать, испуганно поглядывая через мутное стекло, загнала младших детей

на печку. Тишка нарочно забирался медленно, ему хотелось встретить немцев лицом к лицу. Думалось, там, на тёплой печке, он покажется врагу слабым и беззащитным. Но мать была непреклонна. Отец и Павел, недавно прибежавший с вестью о появлении немцев, тревожно застыли на лавке. Дарья Ивановна затихла, привалившись к мужнину плечу. Ждали молча.

И всё равно скрип калитки раздался неожиданно. Во дворе забухали тяжёлые сапоги, и потный немец, приоткрыв дверь, заглянул в комнату. Сердце у Тишки ёкнуло. Мать, ухватив уголок платка, прижала его к губам. Она всегда так делала, если пугалась. Максим Иванович, расправив плечи, как мог спокойно поднял глаза. Он не собирался дразнить врага вызывающим взглядом, подвергая смертельной опасности семью. Но и унижаться страхом тоже не собирался. В этот момент он понял, что никогда не смирится с присутствием фашистов в деревне.

Немец, напряженно оглядывая замерших супругов, переступил порог. И замер. На Барановых дохнуло кислым запахом пота. Прицел винтовки медленно поплыл через горницу. Тишка рассматривал немца в щелку занавески. Хоть и страшно, но страсть как любопытно. С правой стороны на тёмно-зелёной куртке красовался раскинувший крылья орёл. Мальчишка видел таких птиц в учебнике по биологии у старшего брата. У фрица рукава закатаны, на поясе разные кожаные сумочки, наверное, для патронов. Ремень с металлической бляхой, а на ней опять же орёл, вцепившийся когтями в странный крест с загнутыми краями. За поясом – граната с длинной деревянной ручкой. Сапоги в пыли, даже цвет не разобрать.

Прицел замер на побледневшем лице главы семейства, прошёлся по груди неестественно вытянувшегося Павла.

Увлёкшись, Тишка высунул голову. И тут же, испугавшись, нырнул назад. Занавеска качнулась. Прицел дрогнул, резко повернув к печке. Мать, еле слышно охнув, схватила мужа за руку. Максим Иванович в ответ сдавил успокаивающе её

холодную ладошку. «Не суетись, ничего не случится».

Шагнув, немец приподнял край занавески. Мальчишечьи затравленные глаза сверкнули, как начищенные пуговицы. Разглядев ещё две опущенные девчачьи головки и, видимо, сообразив, что здесь опасности нет, немец приопустил оружие. Каска, сбившаяся на нос, мешала, и он неловко толкнул её рукой. И тут немец чуть не запнулся за чемодан. Заинтересовавшись, ткнул штыком. Потёртая фанера хрустнула. В распахнутую дверь заглянул другой немец, и в комнате завоняло кислым ещё гуще. Коротко «пролаяв» по-немецки, он присоединился к любопытному фрицу, сосредоточенно вскрывавшему чемодан. Вытанув рисунки, изувеченные штыком, немцы расплылись в улыбках.

– Гут, гут, – проговорил один, перебирая бумаги.

– Гут, карашо, – вторил другой, вытирая пот под каской промокшим рукавом.

Василь рисовал, в основном, природу. Тишка сам любил рассматривать рисунки брата и потому совсем не удивился, когда они понравились и немцам. «Значит, они такие же, как и мы – люди», – сделал первый вывод мальчик. В этот момент один из немцев наставил палец на рисунок и, надув щёки, пафнул: «Паф-паф». И оба засмеялись, весело поглядывая на родителей и Павла. Тишка догадался, немцы дошли до рисунка, где два пограничника с собакой на поводке шагают вдоль колючей проволоки. «Нет, они не такие, как мы. Мы же их убивать не пришли. Это они нас». Ни жив ни мёртв, мальчонка таился за занавеской, прижимая к себе притихших сестрёнок. Он не боялся в прямом смысле этого слова, немцы не казались страшными. Скорее – неприятными, как цыпки на ногах, как гной в уголках губ. От них следовало избавиться, как избавляются от болезней. В один момент Тишка почувствовал себя взрослым, ответственным за сестрёнок, за мать. Решая, как он отомстит немцам за испорченные рисунки брата, он не сразу заметил, что фрицы ушли. Опомнился, услышав отца:

– Ну, мать, готовь продукты. Завтрева в партизаны уйдём.

– И я с вами, – Тишка чуть не свалился с печки.

Вдалеке за спиной раздался нарастающий гул двигателя. От полосы леса отделился серый, как грязь на снегу, грузовик в сопровождении броневика. «Минут пять», – определил Тишка. Как назло, вдоль дороги поднимались высокие снежные насыпи – дорогу чистили трактором. С наскоку и не переберёшься. Ругнувшись, Тишка приблизился к обочине. До деревни ещё километров пять. Вздохнув, мальчишка с трудом полез через смёрзшийся отвал в мягкий сугроб.

Через неделю, как немцы вошли в Байки, почти все мужики села собрались в партизанском отряде. С удивлением Тишка сообразил: отец дорогу в лагерь знал и, более того, его здесь ждали вместе со всеми байковчанами. Но настоящим Тишкиным изумлением стало не это, а то, что мать ни слова не сказала, когда отец решил увести с собой в лес не только старшего брата, но и его. Потом-то мальчишка догадался: так она надеялась спасти сына от немцев и полицейев, уже вскоре появившихся в селе.

Спустя несколько дней, когда Барановы вернулись в Байки забрать кое-какие вещи, фашисты прогнали через село длинную колонну пленных. Красноармейцы шагали, опустив головы, некоторые поддерживали раненных. От бойцов пахло гарью и кровью.

Тишка, захватив полбуханки хлеба, выскочил на улицу. Пригревало солнце, облако пыли клубилось под сапогами солдат разбитой армии. Немцы покрикивали, отгоняя местных жителей винтовками наперевес. Тишка замер в двух шагах от колонны у плетня, высматривая бойца, которому отдаст хлеб. Пробежав быстрым взглядом по тёмным и каким-то неживым лицам пленных, выбрал молодого солдата в гимнастёрке с разорванным воротом. Солдатик неуверенно поглядывал на людей, пытаясь улыбаться. Улыбка выходила жалкой и виноватой.

ся. Последний раз мы кушали сутки назад, когда заходили в попутную деревню. Там на одном крыльце нашли то, что искали – кусок хлеба и кружку молока. Люди в то время часто оставляли еду для отступающих и беженцев на порогах домов. Чтобы лишний раз двери не открывать. Тогда по дорогам всякие ходили, и лихие люди тоже. Могли и выгрести из дому всё подчистую.

А парни машину так и не починили. Что-то там сломалось, очень важное. Потеряв полдня, мы двинулись дальше. Группа наша то увеличивалась, собирая словно капельки ртути таких же, как мы, торопящихся уйти подальше от нахрапом прущего фашиста, то уменьшалась, когда от неё откалывались, отставали или уходили вперёд наши соседи по несчастью.

Помню уже в Ростовской области мы с мамой подошли к какой-то речке. Остатки моста неподалёку пугали разбитыми бетонными сваями, из которых торчали искорёженные, обожжённые петли арматур. Видать, разбомбили.

Рядом через речку на замыленных лошадях переправлялись казаки, будто выкрашенные толстым слоем дорожной пыли. Верхоконные так пропылились, что у них даже щёки и брови, казалось, ржаной мукой были обсыпаны. Мама попросила помочь перебраться на тот берег. Здоровый казачина, устало улыбнувшись, посадил меня перед собой, а сам соскользнул с крупа. Так мы и переплыли, он – держась за седло, я – на лошади. До этого я никогда не сидел верхом и поначалу очень боялся. Но лошадь плыла ровно, почти не качаясь, и я понемногу успокоился. И даже стал смотреть по сторонам. В зелёной с красным оттенком воде почему-то плавало много разных людей. Кругом, куда ни глянь, покачивались на тихой волне комки спутанных волос или тянулись по течению подстриженные затылки. Я тогда ещё не знал, что эти люди мертвы. Детское сознание не воспринимало смерть как данность жизни, и я просто удивлялся, почему они плывут лицом вниз. Захлебнуться же можно.

Ссадив меня на землю, казак умчался прочь, а я вдруг